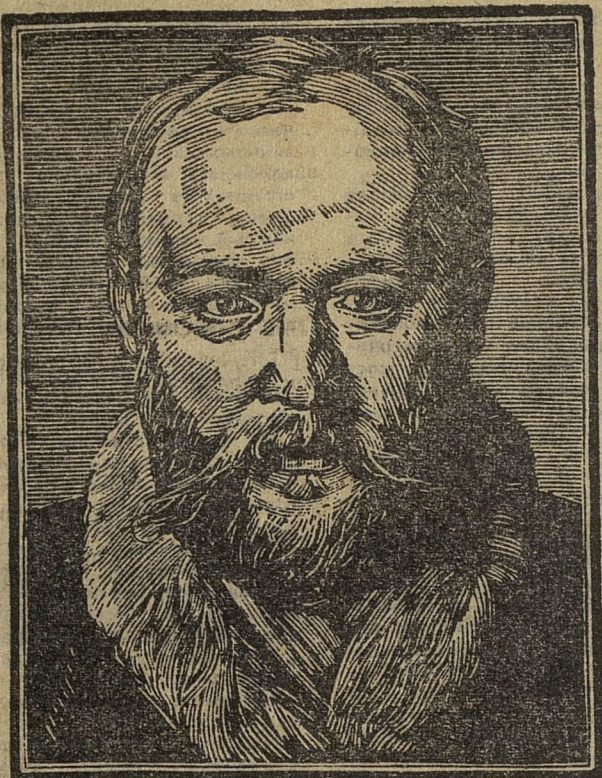

12 апреля

исполнилось

150 лет

со дня

рождения

Александра

Николаевича

Островского

Гравюра на дереве
З. ГОРБОВЦА

«ЛИТЕРАТУРЕ ВЫ ПРИНЕСЛИ В ДАР ЦЕЛУЮ БИБЛИОТЕКУ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ДЛЯ СЦЕНЫ СОЗДАЛИ СВОЙ ОСОБЫЙ МИР. ВЫ ОДИН ДОСТРОИЛИ ЗДАНИЕ, В ОСНОВАНИЕ КОТОРОГО ПОЛОЖИЛИ КРАЕУГОЛЬНЫЕ КАМНИ ФОНВИЗИН, ГРИБОЕДОВ, ГОГОЛЬ. НО ТОЛЬКО ПОСЛЕ ВАС МЫ, РУССКИЕ, МОЖЕМ С ГОРДОСТЬЮ СКАЗАТЬ: «У НАС ЕСТЬ СВОЙ РУССКИЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР». ОН, ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ, ДОЛЖЕН НАЗЫВАТЬСЯ: «ТЕАТР ОСТРОВСКОГО».

И. А. ГОНЧАРОВ

Сергей МИХАЛКОВ

ОН СЛОВОМ И ДЕЛОМ СЛУЖИЛ НАРОДУ

Вступительное слово

на торжественном заседании,

посвященном 150-летию

со дня рождения А. Н. Островского,

11 апреля 1973 г.

Товарищи!

Сегодня мы отмечаем 150 лет со дня рождения Александра Николаевича Островского — русского классика, драматурга, общественного деятеля, жизнь которого запечатлена на одной из лучших страниц замечательной книги нашей литературы. Этот юбилей, являющийся видным событием в культурной жизни страны, отражает нашу признательность, нашу благодарность, нашу любовь к Островскому.

Посетители Третьяковской галереи долго стоят перед знаменитым портретом работы Перова. С полотна смотрит на них человек с широким простым лицом, окаймленным рыжеватой бородой. Смотрит живо, пристально, с интересом — будто ждет, что же люди скажут ему сегодня.

И мы скажем ему, что его творчество дорого нам не только тем, что сыграло большую прогрессивную роль в развитии русского общества XIX века, но и тем, что оно верно служит людям сегодня, тем, что оно служит нашей советской культуре. Вот почему мы называем Островского своим современником.

Мы хорошо представляем себе значение творчества Островского для его времени. Уже первая журнальная публикация первой комедии «Свои люди — сочтемся» принесла драматургу широкую литературную известность.

С тех пор появление лучших пьес Островского каждый раз становится событием культурной жизни России. Почему? Да потому, что, раскрыв настежь те самые ворота Замоскворечья, распахнув окна светелок и горенок, драматург выставил напоказ жуткий и косный мир хищников и стяжателей, дельцов и самодуров и с суровой беспощадностью художника вынес им свой гражданский приговор.

И этот приговор с горячим одобрением был встречен передовой частью русского общества.

Но, бичуя «свинцовые мерзости жизни», Островский сумел разглядеть — и не только разглядеть, но и отобразить — то светлое, возвышенное стремление к социальной свободе, что всегда отличало душу народную, что всегда неистребимо пробивалось сквозь многовековую косность царской России. Вот в этой правде о народе, в этом неуклонном стремлении звать к жизни лучшей и справедливой — в этом истоки величия драматурга.

Островский был учеником и непосредственным преемником Гоголя — главы «натуральной» школы, основоположника критического реализма в русской литературе. Реализм Островского, его четкая оценка фактов общественной жизни исходят из понимания драматургом собственной задачи — задачи художника. Слова Островского, написанные десятилетия назад, звучат так, будто произнесены только вчера: «Дело поэта не в том, чтобы выдумывать небывалую интригу, а в том, чтобы происшествие даже невероятное объяснить законами жизни». Так мыслил Островский. И его желание «объяснить законы жизни» было понято и верно оценено революционными русскими демократами, прежде всего Добролюбовым.

Островский всегда ощущал душевное влечение к революционно-демократическому лагерю. На развитие творчества драматурга сильнейшее влияние оказали статьи Н. Чернышевского, Н. Добролюбова, произведения Н. Некрасова, М. Салтыкова-Щедрина. С 1857 года Островский почти все свои пьесы публиковал в журнале революционных демократов «Современник», а после его закрытия, в самые тяжелые годы реак-

СЛАВА И ГОРДОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

*ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ
В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ*

Выражением народной любви, уважения и признательности к таланту и жизненному подвигу Александра Николаевича Островского стало торжественное заседание, посвященное юбилею великого сына России. В Большой театр Союза ССР 11 апреля пришли деятели культуры и науки, передовики московских предприятий, представители общественности. Над сценой — большой портрет А. Н. Островского, украшенный цветами.

На торжественном заседании присутствуют товарищи В. В. Гришин, К. Т. Мазуров, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев.

В президиуме — члены Всесоюзного юбилейного комитета, известные писатели, художники, артисты.

Торжественное заседание открыл вступительным словом председатель Всесоюзного комитета по проведению 150-летия со дня рождения А. Н. Островского, Герой Социалистического Труда писатель С. В. Михалков.

«Слово об Островском» произнес председатель правления ВТО, народный артист СССР М. И. Царев.

— День 14 февраля 1847 года, — заявил он, — когда никому не известный Александр Островский прочитал группе московских литераторов свою пьесу, мы можем считать днем начала революции в русском драматическом искусстве.

Почему сегодня мы называем его жизнь подвигом? Почему почти полтора века мы не перестаем удивляться этой

жизни и восхищаться ею? Чем же велик Островский и чем он дорог нам?

64 года жизни. Из них 41 отдал драматургии, а 35 — театру. Безраздельно. Полностью. Ни одного дня — вне искусства, ни одного часа — вне творчества. Сорок восемь пьес. Множество статей, записок, докладов, писем. Вчитайтесь в них, и вы обнаружите последовательное и стройное учение, практическое и теоретическое обоснование принципов реалистического театрального искусства, принципов русского, национального театра. По его произведениям мы можем изучать целую эпоху — почти полвека — жизни России, с ее сложностями, социальными изменениями, потрясениями, жизнь в ее непрерывном движении, в острой борьбе нового и старого...

В своих пьесах Островский, по его собственному определению, примыкал к «обличительному направлению» русской литературы, продолжая, таким образом, традиции Грибоедова и Гоголя.

В суде над миром больших и каменных, подхалюзных и гурмыжских видит он общественную роль театра и свою роль писателя и гражданина. Но, создавая обличительные произведения, раздиравшие сатирические портреты, Островский в то же время считал: «Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее; этим-то я теперь и занимаюсь, соединяя высокое с комическим». Эта

ция, сотрудничал в «Отечественных записках».

Но основным свидетельством социальных воззрений Островского является, и это понятно, сама суть его творчества. Обличительный пафос Островского, его сатира, избравшие мишенью купечество, дворянство, чиновничество, а с семидесятих годов XIX века и нарождавшуюся буржуазию, и сделали творчество драматурга тем воистину «светлым лучом», который высветил все «темное царство», весь мир тирании и произвола, мир беспощадного угнетения личности.

Великий Островский любил свой народ и «сердцем чувствовал его нужды». Он словом и делом служил народу. Жизнь Островского — подвиг. Год за годом, находясь в постоянной нужде, на грани нищеты — несмотря ни на что, он стремился к одной лишь цели. «Моя задача — служить русскому драматическому театру», — утверждал Островский. Театру нашему он отдал весь свой талант, все свои силы. Ради театра он обивал пороги петербургских департаментов, ради театра старался сломить оловянное равнодушие чиновников, ради театра неустанно писал докладные записки, сочинял проекты...

Почему с такой страстью, с такой настойчивостью служил Островский театру? Да потому, что работу на благо русского драматического театра писатель считал своим патриотическим долгом. Он убежденно шел к своей цели. «Драматическая поэзия», — писал Островский, — ближе к народу, чем все другие отрасли литературы. Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии — для всего народа». Эти слова, сказанные в условиях буржуазно-крепостнической России, где букварь был запечат от народа на три замка, ясно раскрывают устремления Островского к всенародному искусству, к искусству, понятному каждому.

Вот эта благородная цель и помогала великому драматургу преодолевать и нескончаемые лишения, и яростные нападки реакции, и возню литературных недругов. Островский по праву вошел в ту могучую плеяду русских писателей, к которой принадлежат Пушкин и Гоголь, Тургенев и Толстой, Достоевский и Салтыков-Щедрин.

Но у Александра Николаевича Островского свое, особое, неповторимое место в этом ряду. Драматург по призванию

и по профессии, он написал около пятидесяти пьес, создал широчайшее драматургическое полотно русской жизни XIX столетия. И как не согласиться со строками письма Гончарова — друга и современника писателя: «Литературе вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский, национальный театр». Он, по справедливости, должен называться: «Театр Островского».

Театр Островского — таков итог жизни драматурга. Под сильнейшим воздействием его пьес развивалось у нас сценическое искусство второй половины XIX века. Драматургия Островского стала школой для многих замечательных русских актеров. Малый театр стал «домом Островского». А имя Островского стало знаменем русского драматического театра.

Так в чем же все-таки сила Островского? Чем столь сильно воздействовал он на зрителя, заставлял думать, переживать, запоминать, делать выводы? Чем прежде всего сильны пьесы Островского?

Глубиной содержания? Неподражаемым юмором? Языком, поразительным по точности и яркости?

Всем этим, конечно. Но прежде всего — счастливейшей чертой таланта драматурга: его превосходным умением типизировать, воплощать в своих персонажах характерные социальные черты, воплощать необыкновенно рельефно и узнаваемо и при всем этом не терять индивидуальности образов. Добролюбов писал о таком гениальном сплавле типичного и индивидуального в героях Островского: «...В этом умении подмечать натуру, проникать в глубь души человека, уловлять его чувства, независимо от изображения его внешних, официальных отношений, — в этом мы признаем одно из главных и лучших свойств таланта Островского».

Примечательно, что Владимир Ильич Ленин в своей публицистике постоянно обращался к образам Островского, ставшим нарицательными.

Искусство Островского в высшей степени оригинально и национально самобытно. Произведения его — правдивей-

задача соединения «высокого и комического» станет программой его творчества.

Будучи истинным реалистом, — сказал докладчик, — Островский не мог не находиться в союзе с представителями русской революционной демократии, оказавшими серьезное, решающее влияние на его творчество. С пьесами Островского пришел на русскую сцену национальный положительный герой, зримый идеал эпохи.

Почти сорок лет связывали драматурга при жизни с Московским Малым театром, который с гордостью носит почетное имя «дома Островского». Новые качества драматургии нашли свое воплощение прежде всего на сцене этого театра.

Островскому обязаны многие актеры подлинным творческим рождением.

Докладчик назвал имена выдающихся артистов, которые по-настоящему обрели себя в пьесах Островского, которые были для них лучшим и самым совершенным сценическим материалом. Благородные демократические идеи, заложенные в произведениях замечательного драматурга, их подлинная народность, глубина и яркость характеров давали возможность каждому новому актерскому поколению открыть «своего» Островского, выразить через его произведения идеи своего времени.

Советский театр свято чтит Островского. Мы всегда учились и продолжаем учиться у него созданию большого искусства — искусства высокого реализма и подлинной народности, — сказал в заключение М. И. Царев. — Островский — драматург на все времена.

Театру нашего будущего предстоит еще открыть в его произведениях огромные пласты идей, мыслей, чувств.

Торжественный вечер, посвященный великому драматургу, завершился большим праздничным концертом.

шная картина характеров и нравов России XIX века. Но роль творчества Островского значительно глубже.

Величие русского драматурга — и в интернационализме его искусства. Гуманизм произведений Островского, его реалистичность, его правда жизни, его образность, его юмор всегда были близки и дороги разным народам. Творчество Островского оказало большое влияние на развитие театра Армении, Грузии, Украины, Азербайджана, Белоруссии. Благотворно его влияние и на мировую реалистическую театральную культуру. Пьесы Островского — в репертуаре театров братских социалистических стран, они — на сценах Швеции, Финляндии, ФРГ. Показательно, что интерес к драматургии Островского за рубежом не только не ослабевает, но и растет.

В одном из писем к драматургу Лев Толстой писал: «Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом, и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть несомненно — общенародным в самом широком смысле писателем».

Октябрьская революция осуществила мечты Толстого. Именно после Октября обрел Островский в нашей стране всеобщее признание. «Не забудьте Островского!» — заметил В. И. Ленин, обсуждая вопрос о том, кого из великих демократических писателей прошлого издавать в первую очередь.

Пьесы Островского сегодня звучат на многих языках народов СССР.

Воздавая благодарную дань памяти великого соотечественника, мы пришли в этот зал, пришли на вечер, посвященный 150-летию со дня рождения большого художника-реалиста, глубокого знатока жизни народной. Здесь торжество.

А в тиши Третьяковской галереи смотрит с портрета Островский, смотрит живо, пристально, будно ждет, что же скажут люди ему сегодня.

И сегодня, с этой сцены, в этот памятный вечер мы можем и должны сказать ему:

— Спасибо, Александр Николаевич! Великое вам спасибо от всего народа!

Спасибо за огромный труд, за талант, отданный людям, за пьесы, которые и сегодня, шагнув в новый век, учат жить, трудиться, любить — учат быть настоящим человеком!

Спасибо вам, великому русскому драматургу, за то, что и сегодня для всех народов многонациональной советской страны вы остаетесь нашим любимым современником!..

Н

А ПЕРВОМ листе большой, в твердом переплете тетради, напоминающей конторскую книгу, рукой Островского выведено:

Замечательные русские простонародные рассказы, притчи, сказки, присказки, побасенки, песни, пословицы, поговорки, обычаи, поверья, областные слова, происшествия, биографии, прозвища, клички, брань, письма и проч... Начал собирать в апреле 1854 года.

До сих пор считалось, что у Островского не было творческих «записных книжек», подобных тем, какие мы находим у Достоевского или Чехова. Однако рукопись с приведенным выше названием, хранящаяся в фондах Пушкинского Дома в Ленинграде, свидетельствует, что и Островский, по крайней мере в раннюю пору творчества, пользовался этим инструментом писательского труда. Свою тетрадь он рассматривал как кладовую любопытных сюжетов, ярких, острых словечек, выразительных пословиц, которые могли ему пригодиться в пьесах. Но даже если бы он не использовал их в своем творчестве, эти анекдоты, словечки, выражения заслуживали, на взгляд драматурга, чтобы их закрепили на бумаге — просто как блестящие живой и меткой народной речи.

Свою тетрадь он успел заполнить лишь в сравнительно небольшой части — его, по-видимому, отвлекла спешная работа над очередной пьесой «Не так живи, как хочешь» (надо было поспеть к бенефису артиста Полтавцева), а после он не вернулся к своим записям. Но и то, что им сделано, чрезвычайно интересно для нас как поиски драматургом живого фольклорного материала в самых разных сферах народного быта.

Целиком рукопись будет впервые напечатана в составе одного из томов нового полного собрания сочинений Островского в 12 томах, предпринятого издательством «Искусство» к юбилею драматурга. Но с существен-

но, и черты вашего лица пронзительны моему сердцу, но ни смею на речах объявить вам мое чувствование. Как ваша прелесть поразила мои чувства признаюсь милая Моя. Чувствованная мною к вам Любовь коснулась до Границ моего сердца пылающего пламенем любви и когда я ни вижу Вас, то обаят бываю унылою тоскою и тяжкие мои вздохи обременяют болеть Грудь мою. Жальтесь нате пленником вашим. Скитаясь любовными оковы с моего сердца и дайте мне знать чувствование нежного сердца вашего и будет ли вам расположение на мое страдание и я уверяю вас что любовь свою свыше сохранив в чистоте души моея и не прекращу до тех пор когда мои очи сокроюца вечным сном и любовь моя прекратится. Но ежели ваши очи сокроются вечным сном и пирсиятся в земные недры, то и тогда любовь моя не истрибится. К вам приду на гроб ваш пошлю розы и лилей и полюбю их горячмы слезыми дабы ония взошли в полною блеске и в прекрасной весне, где будет скрыт неоцененный друг для моего сердца. Затем прощайте, остаюсь с нетерпением в ожидании вашего ответа за очна целую вас тысячу раз.

Друг мой, прими вздох мой, окончи желание, соверши страдание, помилуй, бох пленных, соедини влюбленных, которые живут отдаленно. И уведомьте меня в своем плане, где нам с вами иметь свидание. 1849 года февраля 24 числа,

Такого рода письма — цветы образованности купеческого Замоскворечья — Островский широко использовал в комедийной трилогии о Мише Бальзаминове. К характеристике приведенного драматургом в его тетради письма так и просыпаются слова из комедии «Свои собаки грызутся, чужая не приставай», где сваха Красавина объясняет Бальзаминову, что такое «амурное письмо»:

«Другой ведь напишет, просто страм; а это хоть барышне дай, так ничего. От этого письма она и приди-

Островский не ставит всякий раз перед репликой имя действующего лица, но это не мешает нам видеть, кто говорит, представлять саму картину действия, движения, позы: пьяный кураж фабричного, робкие попытки Анисьи осадить его и плачевную развязку этой комической сцены. Еще существеннее набросок — на этот раз как бы уже в двух действиях — «Глеб Тимофеев», рисующий грязную и душевно бедную, грубую жизнь, какой живет прислуга в богатом барском доме, — тема, предвещающая отчасти мотивы пьесы «Не сошлись характерами!».

ГЛЕБ ТИМОФЕЕВ

[1]. Кучер сидит с барским камердинером в трактире.

— Я тебе, Миколай Микитыч, вот что скажу... потому ты человек внове, а я тебя всему эфтому делу могу руководствовать... Известное дело... барский камардин... тебя барыня ужас любит, потому ты человек внове... А Глеб Тимофеев ума достойного... Приходи уж в конюшню. Сейчас к Акулине Кузминишне на пирог... А Аксютку... погость... Я отца твоего маханького знал, потому как есть все произведем... Барина свезу в киятру, а отсюда все дела справим... Давай французской водки... Приехал в конюшню. Аксютка... я евтого терпеть не могу... По крайности для тебя, Миколай Микитыч... что б ты, значит, помнил... Приходи в конюшню, мы ее сиком обделаем, если супротивничать станет...

[2]. Сидят в кухне две кухарки,

— Вот, кума... Слава те господи... благодарить бога можно... живу как есть... хозяйка у меня добрая... кусок у меня хороший. Вот вина есть... выпьем! Что ж такое, праздничное дело не выпить!.. А я пряничных орешков поставлю...

Взвейся выше, понесися, Сизокрылый ты мой голубок!

из неопубликованного и забытого

ТЕТРАДЬ ОСТРОВСКОГО

ными фрагментами этой интересной рукописи можно уже сейчас познакомиться читателей.

Открывается тетрадь народным анекдотом, записанным, по пометке Островского, его приятелем А. Стаховичем.

Мужик попал в ад, и видит в аду своего приходского попа, который сидит по горло в смоле.

Мужик: Эх, батюшка, это что ж? Нас учишь, а сам попал, да еще так глубоко.

Поп: Молчи, холоп! Подо мной протопоп, а то бы я еще глубже утоп.

Этот незамысловатый анекдот интересен тем, что имеет откровенно антицерковный характер и как бы подтверждает наблюдение Белинского в письме к Гоголю о безрелигиозности русского народа, рассказывающего о своих пастырях грубоватые сказки. Вдвойне интересно, что Островский записывает это в ту пору, когда, как принято считать, на него наибольшее воздействие оказала концепция славянофилов с их защитой православного благочестия.

Островский заносит далее в свою тетрадь переданный отцом Ап. Григорьева фантастический рассказ, как один купчик влюбился без памяти в губернаторскую дочку и продал душу черту, чтобы жениться на ней, и как потом хитроумная жена провела черта, когда он явился за расплатой, — еще один простонародный сказочный вариант известного сюжета. Записывает диалог деревенского жениха с невестой. А затем приводит — с наблюдением орфографии подлинника — текст любовного письма, вероятно, какого-нибудь напояженного приказчика. Письмо это так и просится в одну из пьес Островского.

ПИСЬМО

Единственный предмет души Моей, милый друг. Осмеливаюсь я вас беспокоить сим письмом. Свидетельствую я вам мое почтение и заочно посылаю воздушное поцелуй и я надеюсь что вы из я снимую мою к вам Любовь не открития никому а таино сохраните в своем нежном сердце... То позвольте мне вам из ясниться, что я пинаюсь вами так, что которой страсти я не могу описать вам. Ваше свидание мне очень было ма-

в чувство; уж очень ей понравилось, что учтиво пишет-то, что охальства-то никакого нет. А он еще в конце стих прибавил: «Взвейся, вихорь-ветерочек, отнеси ты сей листочек в объятия тому, кто мил сердцу моему».

Характерно, что записи Островским в его тетради сюжетов, наблюдений, как правило, тяготеют к форме сценического диалога. Порой это как бы готовые наброски пьесы. Таковы законченными небольшими сценами, прекрасно рисующими в живой речи характеры лиц и бытовые отклонения, являются «Полпивная» и «Глеб Тимофеев».

ПОЛПИВНАЯ

Фабричный идет с любовницей в полпивную.

— Анисья! Пойдем, косушечку раздадим... Что же такое!.. Важное дело!.. Праздник... (Смотрит на монету). Ты, значит, двугривенный, а я тебе орла-то протру! Ты у меня завизжишь!.. (входят в полпивную).

— В лучшем виде, пару ваксоновского. Ты только, Анисья, распочувствуй, что я за человек!.. (ударяет себя кулаком по груди). Мастер один ва анперии!..

«А я тебе говорила, чтоб ты с подлещами не екался».

— А хозяину мы уважать не согласны, почему что триста рублей получаем — триста рублей пропиваем!.. значит на свои!

«А я тебе говорила, чтобы ты ёрническому компании не водил...»

— Потому мы все документы знаем... Мозги!.. Трубку жуковоского...

«Они те выведут... Я же говорила...»

— Он говорит — пару пива, а я пирог заказала, а он графын потребовал, а я говорю... а он говорит... а я гов... обидно!.. (ударяет кулаком по груди).

«Картина семейного счастья».

Иллюстрация художника П. М. БОКЛЕВСКОГО

— Какая песня-то оказная! Вот так тебе в чувствие производит, На том ме...

(Входит Глеб Тимофеев).

— Акулина! Ты что тут крамьльничашь? Что ты крамьльничашь, ты мне скажи! (Увидав другую кухарку). Акулина, кто это? Ктой-то?

— А это, Глеб Тим[офеевич], кума моя... вместе в кухарках жили...

— Покорнее благодарим! Нам очень приятно, что вы с нами компанию имее... Милости просим садиться. Акулина, хлопочи! Давай вина нам, закуски давай... Покорнее благодарим...

— А я, Глеб Тим[офеевич], провалиться на месте, я пирогов ноне не пекала...

— Ты!.. Топну ногой — понимаю, что значит! Поди купи селедку... да в квасу вымой... Напредки милости просим, потому нам очень приятно... Да ты хребет не бросай: я его обосу... Не безсудьте, что выпили маненько. Нашему брату нельзя, потому у нас знати много... Покорнее благодарим, что вы нашу компанию имее... Вот [Миколай] [Микитыч], барский камардин, мининник, холуям дал полтинник, а мне говорит, Глеб Тим[офе-

(Окончание на 9-й стр.)